Г. МОСКВА

— Лев Константинович, как вы пришли в свою профессию? Как все началось?

— Не могу сказать, как говорят некоторые актеры, что первым моим словом в жизни было «театр!».

До восьмого класса я и представления не имел об актерской профессии. Время было трудное, шло восстановление разрушенного войной, а мы, ребята, часто бывали предоставлены сами себе. Как водится, во дворах составлялись компании, дерущиеся с соседними дворами и отстаивающие честь и достоинство своей улицы. Ничем от других мальчишек не отличаясь, я тоже отстаивал «интересы» своего Коровьего Брода — улицы моего детства. И вот однажды, после очередной баталии, подошел ко мне парень и сказал: «Здорово ты бьешься! С азартом! Но лучше приходи-ка ты к нам, во Дворец пионеров». Я растерялся, однако в ближайшее воскресенье отправился во Дворец пионеров Бауманского района Москвы. Да как там, можно сказать, и остался. Педагогом театральной студии был у нас Сергей Владимирович Серпинский — замечательный учитель и человек. Он первый вселил в меня веру, что я смогу стать актером. Ни дома, ни в школе всерьез об этом не говорилось, но через два года я пошел сдавать экзамены в Школу-студию МХАТ... и меня приняли!

Окончив театральное училище, получил приглашение в Центральный детский театр. А тогда там работали Заливин, Чернышова, Ефремов, Эфрос! Центральный детский стал моей самой серьезной актерской школой. Там я переиграл массу прекрасных ролей. Например, играл Тучку, Молодого Огурца (не просто Огурца, а именно Молодого!). Одновременно начал сниматься в кино, хотя первые работы не приносили большой радости ни мне, ни, думаю, зрителям.

В ту пору только начали переходить к производству десятков фильмов в год, и сразу понадобилось много актеров... Только что появилось и телевидение. Большие (а на голубом экране миллионные) тиражи актерских работ сняли с этого рода человеческой деятельности ореол таинства, легенды. Популярность завоевывалась все легче, авторитет, а тем паче пьедестал — все сложнее. Бурный рост родственных жанров, развитие самодетельного искусства поставили артиста в жесткие рамки работы. За нами наблюдают многомиллионный, серьезный, требовательный зрительский глаз. Тут есть над чем задуматься...

В позапрошлом году труппа нашего театра выступала в Югославии, на Бел-

градском интернациональном фестивале. Там я и узнал это сербское слово «уметност», что по-русски значит «искусство». Очень точно! Корень: уметь. Уметь делать свое дело. Хорошо, правда?

— А в чем оно — мастерство в вашей работе! Что главное!

— Мне кажется, что главное во всякой работе — понимать ее смысл. И акробаты обязаны думать, какой трюк и зачем они делают. А уж в драме, в кино — что говорить! Актер сам и изобретатель, и конструктор, и исполнитель, хотя он, конечно, зависит от всех звеньев

развитая воля... Может быть, такие люди действительно есть, но это уж их вина, во всяком случае в наше время. Я считаю, что каждый человек, какое бы место в обществе он ни занимал, маленьким быть не должен. И мой персонаж из «Брата Алеши» штабс-капитан Снегирев — борется с этим проклятием, с этим чувством «маленького человека».

Другой мой герой — Гели Гэй — из пьесы Бертольта Брехта «Что тот солдат, что этот» портовый грузчик. Он по собственной доброте и приниженности никому не может сказать «нет». И потому волей обстоятельств превращается

«ность» сильно преувеличена. И вовсе не уменьшается авторитет актера, если он занят в эпизодах.

В конечном итоге удачно сыгранный эпизод может запомниться зрителю гораздо сильнее, нежели даже центральный образ. Я никогда не гнушаюсь подобными ролями. И однажды был за это качество вознагражден судьбой: меня пригласил сниматься в «Калине красной» Василий Макарович Шукшин — на роль официанта.

Было это так. Василий Макарович смотрел в нашем театре на Малой Бронной спектакль «Брат Алеша» — инсценировку по роману Достоевского «Братья Карамазовы». Я знал, что Шукшин очень любит и хорошо знает творчество Достоевского, и успокоился, понравится ли ему наша работа.

...Занавес опустился. На поклонях я увидел в зале Шукшина. Он не аплодировал, сидел задумавшись. «Не понравилось», — решил я и очень огорчился. Но потом мы долго бродили с ним по ночным московским улицам. Тогда Василий Макарович рассказал о своей новой работе — «Калине красной», и буквально в нескольких словах раскрыл мне всю «жизнь» моего будущего персонажа — официанта. А впоследствии, на съемочной площадке, он все призвал актеров: «Играйте достоверно, как а театре!».

— Лев Константинович, много ли вы получаете писем от своих зрителей!

— Много, и особенно от молодежи. Спрашивают, как стать актером, что читать, на какие спектакли ходить. Интересуются, над чем я сейчас работаю. Что ж, воспользуюсь случаем и отвечу.

В кино закончил сниматься в телевизионном фильме «Тупфли с золотыми пряжками» — там я играю царя. На Киностудии имени Горького идут съемки фильма по роману Брета Гарта «Вооружен и очень опасен!». Сбылись мечты детства: актеры Броневой, Банюнис, Абдулов и я будем скакать на лошадях, стрелять из кольтов — в общем, полный джентльменский набор дикого Запада... А в театре подготовил роль Яго в «Отелло».

Вообще же, возвращаясь к разговору о письмах зрителей, должен сказать, что особенно мне интересны те, которые заставляют задуматься над какими-то вопросами собственного творчества или искусства в целом, взглянуть серьезнее на то, мимо чего, быть может, в спешке привычно пробежал. Иначе говоря, письма — это прекрасная возможность глубже понять подрастающих людей, их представления, ожидания, ориентиры. Такая «обратная связь» очень ценна. Ведь актер работает прежде всего ради того, чтобы найти отклик в чьей-то душе...

АКТЕР — это изобретатель, конструктор, исполнитель

— так считает Лев ДУРОВ, заслуженный артист РСФСР.

Беседу с ним ведет корреспондент Е. РЫК

процесса создания спектакля или фильма.

Второе — импровизация, фантазия. Ближайшая аналогия — спорт. На сцене, как и в футболе (имею в виду, конечно, хороший спектакль и хороший футбол), в любой момент могут возникнуть неожиданные, непредусмотренные ситуации. Быть хозяином «поля» — вот вершина. Спорт и театр — дело, как правило, коллективное, товарищеское. Есть даже такой термин — «легкий» партнер. Партнер, который способен мгновенно «перестроиться», повести действие, если требуется, и сделает он это незаметно, непринужденно.

Наконец, третье чувство — ритм. Или, я бы сказал, азарт, хотя это неточно. Азарт к работе, скорость реакций, синхронность внутренней, духовной жизни плюс высокая организованность и собранность...

— Часто в статьях, посвященных вашему творчеству, можно встретить слова: «Создал образ «маленького человека». Что стоит за этим понятием!

— «Маленький человек» — это, на мой взгляд, высшая мера раздавленности. «Маленькие» мысли, узкий кругозор, не-

из мирного обывателя в нерассуждающего убийцу, послушного и беспощадного солдата.

На примере своих персонажей я стараюсь показать, как слабый человек может превратиться в винтик какой-нибудь страшной машины, если убедит себя или даст себя убедить, что можно оставаться спокойным при виде чужой беды, помнить лишь о себе, заставить замолчать собственную совесть. Очень часто человека «маленьким» делает уязвленное самолюбие. Так было с моим отрицательным персонажем Клаусом из «Семнадцати мгновений весны». Ему кажется, что он обойден. Что природа или люди что-то ему недодали. А фашизм — благодатная почва, на которой такой вот Клаус может «расцвести» и отомстить человечеству за свою несостоятельность...

— Лев Константинович, бывает так, что молодой актер отказывается играть в кино или театре маленькие роли, эпизоды, объясняя это тем, что на эпизодах можно «заштамповаться» и что «большая» роль выйдет «доскутным одеялом» из эпизодов.

— Мне кажется, что такая «опас-